

Литературная страничка

□

«Вести» продолжают публиковать рассказы и стихи наших земляков. Сегодня на страницах газеты дебютирует Сергей Странник (псевдоним). Редколлегия редакции с большим интересом прочитала его рассказ о том, как двое молодых людей из Елизова в тяжелые для нашей страны времена уехали на заработки в Польшу. История страны складывается не только из монографий ученых, но и из свидетельств живых людей, участников тех или иных событий. Взгляд сверху не замечает деталей, судеб и людей, которые попадают в мясорубку социальных экспериментов. Поэтому нам очень важны такие рассказы-воспоминания, тем более хорошо изложенные непосредственными участниками событий.

Редколлегия «Вестей»

В 1998 году (в августе) в стране случился очередной кризис. Доллар, который накануне стоил 6 рублей 25 копеек, стал стоить около 30 рублей. К этому времени я уже почти два года занимался бизнесом. Мы торговали на рынке, у меня даже был свой ларек. Вещи, обувь, игрушки и шубы Вика (жена) покупала в Китае, Турции, даже в Греции, потом (подняв цену в 3-4, а иногда и в 10 раз) продавали.

Когда стало известно про кризис, весь оборотный капитал был в товаре. Доллар вырос в пять раз, но цены на свой товар (который я продавал в три раза дороже по сравнению с закупочной) поднять еще в пять раз я не смог бы. В итоге после того, как я продал все, что смог, хоть у меня и набралось почти 3000 долларов, я понял, что разорен.

На рынке уже несколько месяцев подряд торговля шла плохо, после кризиса вообще ничего не продавалось.

Я был очень, расстроен, потрясен, просто потерян.

Судорожно искал какой-либо выход. Наступил 1999 год. Я уже кое-как сводил концы с концами. Но мне еще повезло, двое моих знакомых повесились. Деньги, взятые в долг у знакомых коммерсантов, вложили в рыбалку. А брали в долларах. Когда доллар вырос, отдать не смогли.

Тут мне предложили выход – поехать за границу на заработки.

Все мы находились в одинаковом положении: мой брат тоже не имел работы. В общем, Владимир согласился, и я купил нам билеты в один конец. Продал свою новую машину, потеряв при этом 2 тысячи долларов, продал ларек. Почти все деньги отдал Вике, повелся на ее предложение купить квартиру в Хабаровске.

С Вовой мы прилетели в Белоруссию, город Слуцк. В Минске в двух фирмах по трудоустройству мы оставили анкеты, а в одной из них даже заплатили 100 долларов. Нас пообещали через месяц отправить в Чехию или Италию, или Испанию на заработки. Пообещали заработки по 500 долларов в месяц.

Месяц нужно было ждать, ну, а чтобы не сидеть без дела, мы решили сами, без документов и договоренностей попытать удачу – поехать на автобусе в Польшу, где самостоятельно поискать работу.

Мы приехали в Варшаву рано утром. В центре города дома невысокие – в пять этажей, построены в основном из красного кирпича. Немного отойдя от центра можно было увидеть безликие многоэтажки, как в любом городе бывшего Советского Союза.

Меня поразило обилие мусора. Какие-то пакеты, картонные коробки, пустые банки валялись кучами около вокзалов, под мостами, в метро.

Мы приехали на окраину Варшавы, где собирались в поисках работы приезжие из соседних с Польшей стран, в основном, с Украины и Белоруссии.

Из России были только мы с братом.

Еще в автобусе по дороге в Польшу мы познакомились с ребятами, которые ехали на работу уже не в первый раз. Нам подсказали, где можно остановиться. Мы поселились в подвале большого дома, где было установлено несколько двухъярусных кроватей. Хозяйкой была поляка, женщина лет 50-ти. За ночь мы платили что-то около 10 злотых. Когда я в очередной раз отдавал деньги хозяйке за ночлег, она попыталась со мной поговорить. Она повелительным тоном что-то мне говорила, я ни слова не понимал, мне казалось, она просто шипит: «Пше, прошу...». На помощь мне пришел паренек из Белоруссии, который случайно оказался рядом. Я немного понимал, отдельные слова, которые говорил белорус (он говорил на белорусском, но вставлял какие-то польские слова). Полячка сильно была удивлена, ведь обычно ее хорошо понимали украинцы и белорусы, а тут – полный ноль, чистый лист.

Потом белорус мне объяснил, что она хотела, чтобы мы с братом какую-то работу сделали во дворе бесплатно, а он ей пытался втолковать, что мы – русские. Что уж он ей объяснил, я не понял, но к нам она больше ни с какими просьбами не обращалась. Правда, и смотрела на нас с какой-то злобой и опасением.

В этот же день мы пришли на площадь, где собирались работяги в поисках заработка. Такая небольшая (меньше, чем в Елизове) площадь Ленина. Просто стояли толпой, или по несколько человек, общались между собой и ждали (со стороны это выглядело, как в каком-нибудь фильме про проститутку). Мы ждали, когда к площади подъедет поляк и громко начнет кричать, что ищет работников, и перечислять наименование работ. Все на польском языке, нам подсказали, что и как переводится. Один раз я помогал поляку собирать гараж, а брат сажал картошку. В другой раз мы вместе копали какой-то пруд.

Нас кормили, но с нами за один стол не садились и относились к нам хоть не враждебно, но настороженно.

Помню однажды, работая у очередного поляка (а он неплохо говорил по-русски), как тот

решил привезти земли. Землю надо было купить, причем земля была двух видов: одна дешевая – какой-то суглинок, а другая – хороший чернозем. Я тогда спросил, зачем покупать дешевую, можно же отъехать и накопать за городом. Поляк сказал, что в Польше нет ничьей земли, она или частная или муниципальная, а значит, если кто-то увидит, что берешь землю и не платишь, будет большой штраф. Потом он еще купил на стройке большой камень (просто камень диаметром, примерно, 1 метр) и поставил около своего дома – для красоты.

Поляки просили, чтобы мы называли их не просто по имени, а обязательно перед именем говорили «пан». Платили нам примерно 100 злотых за 10-12 часов работы. После оплаты жилья и трат на ужин и завтрак оставалась сумма примерно 40-50 злотых, где-то 10 долларов. Получается, если работать месяц без выходных, мы могли бы заработать по 300 долларов США.

Нас с братом поляки не обманывали, но помню, как-то рано утром, когда мы уже просыпались и собирались на поиски работы, пришел или, точнее сказать, приполз, ввалился в дверь нашего подвал-барака человек. Молодой мужчина (старше меня лет на десять) родом с западной Украины, его нары были недалеко от тех, на которых мы спали с братом. Как его звали, уже и не припомню, ну, скажем, Тарас. Он не ночевал в ту ночь и появился под утро, сильно уставший и злой. На нем была грязная одежда, порвана одна штанина брюк, руки и лицо были в потеках крови. После наших настоятельных расспросов Тарас рассказал такую историю. Прошлым утром его забрал с площади поляк. На машине

отвез далеко за город. С раннего утра до позднего вечера он работал у поляка, тот его даже не покормил. Когда наступил вечер, поляк ничего не заплатил.

Отстегнул с цепи своего ротвейлера и сказал, что недоволен работой. Дал Тарасу время добежать до ограды и отпустил собаку. Не зная дороги, без денег Тарас всю ночь шел к месту своего ночлега.

Сказать, что русским не рады в Варшаве, значит, ничего не сказать

Когда мы заходили в небольшие магазины, поляки нас сторонились. Как только мы заговаривали, и люди понимали, что мы русские, у поляков на лицах появлялась гримаса пренебрежения.

Много позже я перечитал Генриха Сенкевича («Огнем и мечом», «Пан Володыевский» и т.д.), посмотрел польские фильмы про Катынскую трагедию и изучил прочие страницы нашей истории взаимоотношений с Польшей, понял, насколько глубока ненависть поляков к нам.

Мы мало зарабатывали, и хоть во всем себе отказывали, не могли заработать каких-либо приличных денег. С нашими новыми знакомыми мы ходили на помойки, которые устраивались за магазинами. Туда выбрасывались просроченные продукты (сосиски и хлеб были запакованы в пакеты), и нам порой доставались эти продукты.

Именно в Варшаве я впервые посетил супермаркет Ашан. В Москве такие появились только через несколько лет. Наши ребята бродили между стеллажей, брали продукты с полки и прямо там ели. Некоторые из них вынимали продукты из упаковок со штрих-кодом, прятали под одеждой и выносили. Но охрана в Ашане иногда таких ловила и избивала в подсобке. Одному нашему новому знакомому из Украины сломали несколько ребер, когда тот пытался вынести кусок свежей свинины.

В один из дней, когда мы в очередной раз пришли на площадь в поисках работы, к нам подошел высокий мужчина в помятом костюме, в рубашке без галстука. На вполне сносном русском языке обратился именно к нам с братом. Он представился полицейским, показал свои документы. Дружелюбным тоном попросил проехать с ним в участок, оказать помощь польской полиции. Мы не чувствовали никакой своей вины, бояться нам было нечего, и мы согласились.

Участок был примерно в 15-ти минутах езды. Нас завели в один из кабинетов и оставили одних. Это был обычный милицкий кабинет уходящей советской эпохи. На стенах старые, местами выцветшие, ободранные обои. Столы с поцарапанной полировкой, на одном из столов – пишущая машинка. В то время у нас в милиции уже появились компьютеры. Продержали нас недолго, чуть позже пригласили в другой кабинет, там уже находились несколько мужчин и две женщины. Нам объяснили, что нужно побыть

статистами.

Нас поставили в одну линию, завели человека в наручниках, поместили между нами и сняли с него наручники. Тут-то я понял, почему позвали именно нас с братом. Преступник был коренастым мужчиной. Дело в том, что молодые поляки, в основном, невысокого роста и хлипкие, а взрослые мужчины чаще толстые. Одним словом, неспортивные. А преступник был именно спортивного телосложения, как и мы с братом.

Как нам объяснили, в комнате находился адвокат, прокурор, следователь и еще какой-то чин из полиции. Переводчиком была женщина. Завели потерпевшую. Обратились к ней с вопросом на польском. И тут я чуть не упал. Женщина внимательно на нас посмотрела и утвердительно замотала головой, указав на преступника и на меня. «Ничего себе, перспективка вырисовывается», – подумал я. Дома в тюрьму не посадили, так придется на чужбине узнать, что такое тюрьма!

Я выпучил глаза, начал хватать ртом воздух. Все вокруг, и даже преступник, стали смеяться.

Потом женщина повернулась к нам спиной, и каждого попросили громко сказать фразу, написанную на листочке. И преступник, и мы по очереди попытались прочесть вслух написанную фразу. Все, и даже потерпевшая опять почему-то смеялись. Наверное, мой польский был не очень?

После всех мероприятий, к нам подошел полицейский, который и привез нас в участок. Поблагодарил, сказал, что мы помогли правосудию и напрасно я разволновался. Преступника опознали.

По дороге к площади полицейский вдруг спросил, зачем мы приехали, неужели у нас дома так плохо. Я не знал, что ответить.

В Польше можно было находиться две недели, после окончания этого срока все приезжие должны были либо оформить разрешение на работу, либо выехать.

Оформить разрешение было очень сложно, и это стоило денег, поэтому все, кто приходил на площадь, были, так сказать, нелегалами.

Нелегалов ловили и на автобусах вывозили до границы с Белоруссией или Украиной. Делали у себя отметку, и человек не мог больше приехать в Польшу. Все ценное у задержанных полицейские отбирали. Обо всем этом мы узнали от «нашего» полицейского.

А уже через несколько дней мы попали в облаву. Несколько машин (очень похожих на наш москвич 412, назывались «Полонез») с мигалками на большой скорости, с разных сторон подъехали на площадь. Полицейские бежали, кричали какие-то ругательства,

я запомнил одно – «курва».

Наши знакомые стали разбегаться в разные стороны. Все произошло так внезапно: нас окружали, пытались хватать, мы с братом разбежались в разные стороны. Я спрятался между гаражами, стоящими по соседству. Когда полицейские уехали, я понял, что моего брата Вову схватили. Я стоял посреди площади и не знал, что делать. Я не знал, как ему помочь, куда идти. Наверное, несколько седых волос тогда появилось на моей голове. Вова пришел через час, он вернулся один. Оказалось, что,

когда всех задержанных поместили в «обезьянник» – большую клетку в участке, его заметил «наш» полицейский. Вова был высокого роста, широк в плечах, и его было хорошо видно в толпе задержанных. В общем, этот полицейский договорился, чтобы Вову отпустили. Тем более что, как оказалось, документы у нас были не просрочены. На законных основаниях мы могли еще два дня оставаться в Польше.

Но его легко могли депортировать из страны. Если бы не тот полицейский... Тогда всех задержанных депортировали.

Мы снова были вместе, обнялись, и вернулись в свой подвал.

Мы решили больше не испытывать судьбу и засобирались домой на Камчатку. Да, но мы ведь так и не посмотрели Варшаву. У нас было немного заработанных денег, мы

последний раз переночевали на своих нарах и ушли путешествовать по Варшаве.

Варшава, как оказалось, очень большой город. Мы бродил по улицам, гуляли по скверам, паркам, зашли в зоопарк и, в конце концов, оказались в местечке, которое переводится как «старый город». Примерно, как Арбат в Москве. По обеим сторонам мощеной булыжником улицы расположилось множество магазинчиков, где продавались разные сувениры. Там же продавалось множество орденов и медалей как наших советских, так и фашистских крестов и прочей амуниции. На каждом углу были кафе и ресторанчики, большинство – под открытым небом. Музыканты на разных углах и на разных инструментах играли и даже пели. Чаще всего играли мелодию из кинофильма «Ва-банк». Мне эта мелодия, исполняемая на саксофоне, нравится до сих пор. Люди вокруг смеялись и радовались жизни.

К вечеру мы уже сильно устали, на все смотрели с большой опаской, готовые ко всему плохому, к тому же очень хотелось есть. Мы оказались в небольшом переулке, где два человека могли разойтись с трудом. А в этом переулке стояли, сидели на корточках и пили пиво пятеро или шестеро молодых поляков.

«Вот и приехали, – подумал я. – Сейчас нам придется нелегко». Каково же было наше удивление, когда мы увидели, как повели себя эти молодые (наверное, наши сверстники) поляки.

Когда мы приблизились к ним почти вплотную, ребята как по команде стали расступаться, вставали спиной к стене, старались не задеть нас. Наверное, лица наши не излучали дружеского оптимизма, но все же их было вдвое или даже втрое больше нас. Они были у себя дома, а то, что мы русские, было видно по тому, как мы были одеты. Сначала я подумал, что они испугались или не захотели с нами ссориться. Но через время я пришел к мысли, что мы были похожи на затравленных животных, готовых кинуться на любого обидчика, а они просто жили. Жили и радовались. Они были сытые и отдохнувшие, довольные собой и своей жизнью. Им совсем не нужно было нас задирать. Они были у себя дома и были счастливы. В отличие от нас....

P.S.

Мы переночевали на вокзале, прижавшись спиной к спине на бетонной скамейке. Рано утром уехали на электричке до границы с Белоруссией. Мы добрались до Бреста. Решили посмотреть героическую Брестскую крепость. Усталые и опустошенные почти целый день ходили по крепости, музеям, которые там работали. Для нас двоих организовали небольшую экскурсию, много рассказывали, было интересно, но самое главное мы были СВОИ.

Сергей СТРАННИК

mso-spacerun: yes;